

УДК 902

А.П. Бородовский

ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВ ПО ОБРАБОТКЕ ОРГАНИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Дискуссионность проблемы специализации производств по обработке органических материалов в эпоху палеометалла представляет серьезный стимул для активного обсуждения не только в западносибирской, но и отечественной археологии. Вопросы реконструкции специализации древнейших производств являются одними из актуальных при корректности интерпретации археологических материалов. Особое значение это приобретает в заключительный период эпохи палеометалла, когда формируются основы комплексной производящей экономики. В последнее время в западносибирской археологической литературе наметился явный интерес к этой проблематике, что нашло отражение в целой серии монографий, учебных пособий и статей различных авторов. Особое внимание в этих публикациях уделено реконструкции структурных элементов организации процессов обработки органических материалов, включая дерево, кость, рог, кожу. Детальный анализ этой литературы позволяет прийти к выводу, что в западносибирской археологии еще не сложился исследовательский консенсус по вопросам специализации древнейших производств, включая отдельные отрасли хозяйства. Существенной проблемой является некорректное привлечение данных по планиграфии и типу отдельных поселенческих памятников при реконструкции их производственного назначения.

Ключевые слова: специализация, древние производства, эпоха палеометалла.

Вопросы реконструкции специализации древнейших производств являются одними из актуальных при корректности интерпретации археологических материалов. Особое значение это приобретает в заключительный период эпохи палеометалла, когда формируются основы комплексной производящей экономики. Существенный вклад в изучение проблематики процесса специализации производств эпохи раннего металла был внесен украинскими археологами еще в конце прошлого столетия [1]. В последнее время в западносибирской археологической литературе наметился явный интерес к проблематике, связанной со специализацией древних производств по обработке органических материалов. Это нашло отражение в целой серии монографий [2. С. 121–125; 3. С. 134–148; 4], учебных пособий [5. С. 55–63] и статей [6. С. 317; 7. С. 103–107; 8. Ч. 1. С. 141–146; 9. Т. XII. С. 320–325; 10. С. 82–96; 11. Т. 10. С. 106–117]. Особое внимание в этих публикациях уделено реконструкции структурных элементов организации процессов обработки органических материалов, включая дерево, кость, рог, кожу. Тем не менее указанная литература достаточно мозаична по методологическим подходам к изучаемой теме, корректности и адекватности предложенных палеоэкономических реконструкций, а также обоснованной осторожности в использовании экономико-производственной терминологии применительно к конкретному археологическому материалу.

В качестве одного из примеров можно привести результаты реконструкций в рамках специализации обработки дерева в эпоху палеометалла,

опубликованные В.П. Мыльниковым. Автор этих разработок констатирует методологическую преемственность с работами С.А. Семенова и Н.И. Сокольского [12. С. 7, 8]. Однако в дальнейшем этот исследователь при декларировании своего подхода отступает, по крайней мере, от целостности в характеристике источниковой базы исследования. Разделяя источники для изучения традиций по обработке дерева на первичные, вторичные и косвенные [12. С. 9], он явно опускает проблему поиска, заготовки, транспортировки и хранения исходного сырья, не только как самых первых этапов обработки древесины, но возможных сфер специализации.

Для сравнения можно привести «кость», обработку которой очень часто, а порой необоснованно сравнивают с древесиной. Без попыток изучения процессов добычи, транспортировки и хранения исходного сырья для древнего косторезного дела вряд ли можно приступать к реконструкции особенностей его организации, не говоря уже о специализации производства. На самом деле, этот ранний этап деревообработки, по крайней мере, для эпохи раннего железа Горного Алтая хорошо представлен, если интегрировать последние достижения дендрохронологии для этого региона [13. С. 60–67]. Рабочей моделью могут служить результаты дендрохронологического изучения сибирских острогов [14. С. 27–35], в которых прослеживаются места заготовки древесины и путь ее транспортировки [15. С. 72–77].

В свою очередь, вопрос о специализации древнего косторезного дела, как и любого производст-

ва, является дискуссионным. По мнению Д.А. Велборна, аргументы в пользу ремесленной специализации, как правило, основаны на трех допущениях. Во-первых, если на протяжении определенного периода существует стандартизация некоторых групп артефактов, то это может означать, что они являются результатом широкомасштабного производства, при этом стандартизация может свидетельствовать о степени постоянства в достижении результатов, тогда как многообразие может отражать существенную вариабельность технологических процедур. Во-вторых, о влиянии специализированного производства на общество: с одной стороны, это может означать, что специализированное производство вовлечено в общую масштабную индустрию; с другой стороны, специализация может быть связана с необходимостью поддержания определенного уровня продукции. В-третьих, о возникновении разделения труда, ориентированного на элиту общества. Технологическая специализация очень часто является «лакмусовым» определителем элитарного общества.

В рамках дискуссии о специализации древнейших производств косторезное дело имеет свою специфику. Прежде всего, тесная связь обработки кости с пищевым производством оказала существенное влияние на процесс развития специализации и организации этого занятия [16. С. 95]. По мнению некоторых исследователей, в эпоху развитой бронзы резьба по кости одной из первых выделилась в самостоятельный вид косторезного ремесла – ювелирное дело [1. С. 166]. На уровне инструментария такая особенность прослежена на археологическом материале вплоть до Нового времени. Например, инструменты косторезов и ювелиров Мангазеи были весьма схожи [17. С. 102].

Одним вариантом соотношения элитарности и косторезной специализации может быть непосредственная вовлеченность представителей престижных социальных групп в это производство. Например, в Японии изготовлением нецке, в том числе и из «кости», занимались самураи. В связи с этим актуален такой вопрос, насколько элитарной являлась резьба по дереву в пазырыкское время, особенно если сравнить ее с более ценными по материалу роговыми изделиями. В коллекциях пазырыкских погребальных комплексов, за исключением Берели, количество резных роговых предметов явно невелико, что может подчеркивать их большую ценность, редкость и элитарность в сравнении с более массовой деревянной продукцией. Такой пример очень показателен, поскольку происходит из захоронений с мерзлотой, где органика в отличие от обычных условий археологиза-

ции сохранилась практически полностью. Для элитных пазырыкских комплексов, пожалуй, одним из надежных критериев производственной специализации резьбы по дереву будет количественная масштабность такой продукции. Другая точка зрения на проблему косторезной специализации сводится к тому, что с организационно-производственной точки зрения древнее косторезное дело является достаточно аморфным и очень часто сопутствующим промыслом иных производств (обработки кожи) [16. С. 96]. Тесная связь косторезного и кожевенного производства в эпоху поздней бронзы не могла не отразиться на развитии. Упадок кожевенной обработки в Северном Причерноморье привел к существенному сокращению комплекса костяных орудий [18. С. 99–100].

Не менее значимыми для исследования процессов специализации древнейших производств, включая обработку органических материалов, являются погребальные комплексы. Выявленные на территории юга Западной Сибири погребения эпохи поздней бронзы и раннего железа с признаками косторезной специализации [2. С. 121–122] либо не имеют пока аналогов в синхронных погребальных комплексах Восточной Европы, либо интерпретируются как признак социальный [16. С. 97], а не только производственный. Такая точка зрения ни косторезное производство, занимающееся обработкой не элитных (бивень, рог) материалов будет крайне дискуссионной в рамках обсуждения проблемы производственной специализации.

Индивидуальное мастерство костореза вполне можно оценить по его отношению к раскрою сырья. По наблюдениям Э. Цнотливы, опытные мастера разделявали роговое сырье практически без остатка. После их деятельности наблюдалось практически полное отсутствие брака и малое количество отходов. Следует подчеркнуть, что рациональность отношения к материалу – один из признаков производства с высокой степенью организации. Вопрос о значении предварительной разметки при изготовлении костяных, роговых и деревянных изделий этого времени как одного из критериев специализации пока остается открытым. Такая технологическая операция, скорее всего, свидетельствует об уровне профессиональных навыков. При этом настоящее мастерство в традиционной культуре часто, как правило, проявляется «на глазок», как результат длительного и высокооптимизированного производственного опыта. Не менее важны гендерные особенности специализации косторезного производства. По этнографи-

ческим наблюдениям М.М. Герасимова, русские крестьянки Восточной Сибири изготавливали тонкие костяные спицы для вязания [19. С. 71]. Такие особенности для археологических материалов древнего косторезного производства еще предстоит выявить.

Для кожевенной обработки в эпоху поздней бронзы и переходного времени к эпохе раннего железа вопросы специализации представляются еще более проблемными. В частности, речь идет об интерпретации материалов Линево-1 в Присалаирье как поселения с кожевенной специализацией. Следует заметить, что авторам [8. Ч. 1. С. 141–146; 9. Т. XII. С. 320–325; 10. С. 82–96; 11. Т. 10. С. 106–117], прежде чем выдвигать такую гипотезу, необходимо было ответить на вопрос: почему в целом для Евразии в эпоху поздней бронзы и раннего железного века объемы кожевенного производства относительно текстильного сокращаются [16. С. 97, 98], а на юге Западной Сибири они так «специализированно» представлены. Обсуждая эту проблему, подчеркнем, что даже погребения эпохи поздней бронзы с кожевенным производственным инвентарем [20. С. 279–297] вряд ли можно однозначно интерпретировать как признак производственной специализации. Тем более что в погребениях начиная с эпохи раннего железа резко возрастает представленность предметов (пряслиц), связанных с ткацким производством. Это также можно считать отражением смены приоритетов материалов – от кожи к тканям. Не лишним будет напомнить и то, что специализация кожевенного производства, в полном смысле этого термина, на территории Западной Сибири формируется в Тобольске только к концу XVII–XVIII в. В этой связи не менее показательным является тот факт, что такой уровень производства достигается с появлением специалистов из среднеазиатского региона, традиционно специализирующегося на этом промысле. Такая параллель, несмотря на свою достаточно удаленную хронологию от эпохи переходного времени от поздней бронзы к раннему железу, очень актуальна для этого периода, поскольку среднеазиатский импульс для южносибирского региона на рубеже II и I тыс. до н. э. достаточно отчетливо и независимо друг от друга представлен не только в керамике, но в особенностях технологии косторезного производства. Такая проблема также актуальна для обсуждения археологических материалов переходного времени от поздней бронзы к раннему железу в Присалаирье.

По справедливому замечанию Т.Н. Троицкой, для указанных работ характерна подмена термина «специфика производства» термином «специа-

лизация». Это является существенным методологическим упущением, поскольку терминологический аппарат исследований для своей адекватности должен соответствовать требованиям содержательной однозначности. Наряду с этим, как известно, «о терминах не спорят, а договариваются», указанным авторам следовало бы привести в своих публикациях существующие точки зрения в отечественной и зарубежной археологической литературе по этому вопросу, а не в одностороннем порядке декларировать свою точку зрения. Не менее важным является и обсуждение стимулов появления производственной специализации, которые не только связаны с определенным уровнем развития культуры и технологии, но также и с социальной структурой древних обществ и конкретной планиграфией базовых археологических памятников для таких реконструкций. Речь идет о проблеме пространственных интерпретаций Завьялово-5 [21. С. 264–269]. Начнем с того, что в настоящее время утверждение о границах и типе этого объекта (городище?) далеко не так однозначно. Стремление замолчать этот факт, с одной стороны, явно не идет на пользу объективной интерпретации указанного археологического памятника, а с другой стороны, полностью подтверждает ущербность планиграфических оценок Т.В. Мжельской, И.А. Дуракова, Л.Н. Мыльниковой относительно малой площади и «тесноты» на Завьялово-5 как аргумента в пользу невозможности существования придомного скотоводства. Следствием этого является необоснованное предположение об исключительной специализации занятий обитателей Завьялово-5 в сфере рыболовства. В связи с этим уместен вопрос, а кому, собственно, была нужна эта рыба, и каким образом ее можно было бы сохранять, при больших объемах производства, соответствующих специализации. Дело даже не в том, что на Завьялово-5 отсутствует доминирование ценных пород рыб (осетровых), которые могли бы представлять какой-то интерес для «экспорта». Проблема еще глубже, для территории юга Западной Сибири совершенно не разработан вопрос о соляном промысле в древности. Поэтому, не имея своего регионального «Гальштата», вряд ли можно серьезно обсуждать такую проблему. Неслучайно эта местность со своими соляными копиями и могильником из 3000 погребений стала нарицательным названием для периодизации целой эпохи в Центральной Европе. На

территории юга Западной Сибири, в отличие от Западной Европы, проблему выявления археологических признаков соляного промысла в эпоху палеометалла еще предстоит решить. Учитывая региональную специфику наличия местных соляных ресурсов, возможно, следует сосредоточить усилия на обследовании соленых озер Барабы, Кулунды и Степного Алтая. Вполне вероятно, что свидетельства этого промысла даст соответствующее изучение керамики. Особенно, если соль не только собиралась в сосуды, но и вываривалась в них. Очевидно одно, что без решения проблемы древнего соляного промысла в Западной Сибири любые реконструкции с массовой обработкой кожи в эпоху палеометалла будут слишком умозрительными.

В целом, вполне очевиден тот факт, что в западносибирской археологии еще не сложился исследовательский консенсус по вопросам специализации древнейших производств, включая как отдельные отрасли хозяйства, так и методологию, и методику исследовательских подходов. Следует признать, что в целом вопросы палеоэкономики в отечественной археологии пока разработаны для территории Сибири достаточно слабо, что «стимулирует» различные разработки [8. Ч. 1. С. 141–146; 9. Т. XII. С. 320–325; 10. С. 82–96; 11. Т. 10. С. 106–117] в этой области, которые часто ведутся без учета мирового опыта. Публичное обсуждение такой проблематики давно стало насущной необходимостью не только для западносибирской, но и для отечественной археологии, что делает необходимым проведение по этой теме не только отдельных семинаров, но и достаточно представительных научных мероприятий (конференций, симпозиумов).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ремесло* эпохи энеолита- бронзы на Украине. Киев: Наук. дум., 1994. 188 с.
2. *Бородовский А.П.* Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э.). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 224 с.
3. *Бородовский А.П.* Древний резной рог Южной Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. 176 с.
4. *Мыльников В.П.* Деревообработка в эпоху палеометалла. Северная и Центральная Азия. Новосибирск, 2008. 364 с.
5. *Бородовский А.П.* Методика исследования древнего косторезного производства. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2008. 102 с.
6. *Мыльников В.П., Мыльникова Л.Н.* Технологические традиции культурные универсалии. Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 1998 г.). Новосибирск, 1998 Т. IV. С. 316–318.
7. *Бородовский А.П.* Исследования специализации древнего косторезного производства // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 1. С. 103–107.
8. *Дураков И.А.* Культурно-хозяйственные связи населения Западной Сибири в переходное время от бронзового века к железному // Восток – Запад: проблемы взаимодействия. История, традиции, культура: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти А.В. Эдакова. Новосибирск, 2007. Ч. 1. С. 141–146.
9. *Дураков И.А., Мыльникова Л.Н.* О специализации производственной деятельности на памятниках переходного времени от бронзы к железу // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г.). Новосибирск, 2006. Т. XII, ч. 1. С. 320–325.
10. *Мыльникова Л.Н., Дураков И.А.* Линево-1 поселение переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. Новосибирск, 2010. С. 82–96.
11. *Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Нохрина Т.И., Кулик Н.А., Мыльников В.П., Кобелева Л.С.* Специализация поселений лесостепной зоны Западной Сибири на рубеже бронзового и раннего железного веков // Вестник НГУ. 2011. Т. 10, вып. 3. С. 106–117.
12. *Мыльников В.П.* Древняя деревообработка (методика изучения погребальных конструкций). Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2008. 106 с.
13. *Быков Н.И., Быкова В.А., Слюсаренко И.Ю.* Погребальные сооружения как источник по изучению лесопользования у пазырыкцев // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2. С. 60–67.
14. *Бородовский А.П.* Дендрохронологические исследования русских острогов в Сибири // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск, 2011. С. 27–35.
15. *Мылан В.С., Слюсаренко И.Ю., Майничева А.Ю.* Дендрохронологическое обследование башен Казымского острога // Археология, этнография, антропология Евразии. 2010. № 1. С. 72–77.
16. *Панковский В.Б.* Подходы к изучению специализации и организации форм косторезного и кожевенного производства в эпоху поздней бронзы // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000. С. 95–97.
17. *Визгалов Г.П.* Хозяйство и занятия посадского населения Мангазеи (по материалам раскопок 2001–2004 гг.) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2005. С. 97–105.
18. *Горбов В.Н., Усачук А.Н.* Специализированный производственный комплекс на поселении бронзового века Безыменное-2 // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000. С. 97–100.
19. *Герасимов М.М.* Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта // МИА. 1941. № 2. С. 65–85.
20. *Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.* Погребения с орудиями кожевенного производства в степных культурах эпохи бронзы // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 2011. Вып. 3. С. 279–297.
21. *Бородовский А.П.* К вопросу о городищах переходного времени от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку в Новосибирском Приобье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Книга-1. Барнаул, 2003. С. 264–269.